

А. И. Мигунов

ЛОГИКА И ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА*

Аннотация: В работе излагается точка зрения, согласно которой в основе семантического анализа языка должно лежать осознание его прагматической природы и что логическая прагматика исследует коммуникативные характеристики логических форм. Рассматриваются также прагматические основания некоторых лингвистических парадоксов и развитие соответствующих идей Г. Фреге в современной прагматике, кроме того, обсуждаются некоторые идеи Дж. Серля относительно прагматических и логических особенностей художественного текста.

Ключевые слова: логика, прагматика, семантика, парадоксы, речевые акты.

Abstract: The point of view is supported, that the pragmatic nature of language underlies semantic analysis, and, that the logical pragmatics investigates communicative characteristics of the logical forms. In paper the pragmatic bases of some linguistic paradoxes and development of corresponding ideas of G. Frege in modern pragmatics are considered, and also some ideas of John Searl about pragmatic and logic features of fictional discourse are discussed.

Keywords: logic, pragmatics, semantics, paradoxes, speech acts.

1

Идеи, связанные с основаниями прагматики и логической прагматики, которые в явной, ясно артикулированной форме были представлены Дж. Остином и далее развиты его последователями, прежде всего Дж. Серлем, высказывались, как это обычно и бывает, задолго до их изложения в развитой и более или менее полной форме учеными, с чьими именами они связаны в истории науки.

Сформулированная еще в начале прошлого века Готлобом Фреге оригинальная для того времени мысль, что можно высказать предложение, не высказывая при этом суждения, и обосновывающие эту мысль рассуждения, в свете современной прагматики выглядят уже как тривиальность, легко выводимая из ее основоположений.

В своей работе «Мысль: логическое исследование» Г. Фреге пишет: «Вопросительное и утвердительно-повествовательное, вопрошающее и утверждающее предложения содержат одинаковые мысли; однако утверждающее предложение содержит и нечто большее, а именно утверждение (Behauptung). ...Стало быть, в утвердительно-повествовательном, утверждающем предложении следует различать две стороны: содержание, которое общо с соответствующим

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 07-03-00610а.

© А. И. Мигунов, 2010

щим предложением-вопросом, и утверждение. Первое есть мысль или, по крайней мере, содержит мысль. Таким образом, можно выразить мысль без того, чтобы признать ее истинной»¹. И далее: «В форме утвердительного предложения мы выражаем признание истины. Для этого нам не нужны слова “истинный”, “истина”. Даже тогда, когда мы их используем, собственно утверждающая сила заложена не в них, а в самой форме утверждающего предложения, и где она теряет эту свою утверждающую силу, там нельзя поставить и слова “истинно”, “истина”. Последнее происходит тогда, когда мы говорим в шутку. Подобно тому, как гром в театре есть гром только кажущийся, сражение на театральной сцене есть сражение только кажущееся, утверждение, звучащее со сцены театра, есть только мнимое утверждение. Это только игра, только поэзия. Актер на сцене не утверждает, но он и не лжет, даже когда говорит то, в ложности чего он убежден. В сфере искусства мы сталкиваемся со случаями, когда высказываются мысли, которые, несмотря на форму утвердительно-повествовательного предложения, в которую они облечены, на самом деле не выступают как истинные, хотя слушатель и может склоняться к тому, чтобы согласиться с ними. Поэтому относительно того, что по форме представляет собой утверждающее предложение, всегда надо еще задаваться вопросом, содержит ли оно на самом деле утверждение. На этот вопрос надо отвечать отрицательно, если в предложении отсутствуют необходимая для этого серьезность и положительность. Применяются ли при этом слова “истинный”, “истина”, это не важно. Так объясняется то, почему, как кажется, приписываемое мысли свойство быть истинной ничего к ней не прибавляет»².

Что собой представляет форма утвердительного предложения, придающая ему утверждающую силу, которая, по мнению Г. Фреге, не требует добавления слова «истинный», а отсутствие которой делает добавление слова «истинный» бессмысленным, ибо в этом случае выражение мыслей не сопровождается действительным утверждением их истинности? Замечание Фреге, что добавление к высказыванию *P* «истинно» (например, «Кошка спит» и «Истинно, что кошка спит») ничего не меняет по существу, поскольку всякий, утверждающий *P*, тем самым утверждает, что он считает *P* истинным высказыванием, нуждается в критическом толковании. Здесь в качестве обоснования вводится ссылка на субъект речи («всякий, утверждающий...»), что переводит разговор из области анализа суждений в область анализа совершаемых субъектом речевых действий, т. е. в область прагматики.

В чем разница между двумя высказываниями «*P*» и «истинно, что *P*», например, «Кошка спит» и «Суждение “Кошка спит” истинно»? У них все-

¹ Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов. М., 2000. С. 329.

² Там же. С. 330.

таки разные условия истинности: первое будет истинным, если кошка спит, а второе будет истинным, если суждение «Кошка спит» окажется истинным, т. е. если опять же кошка спит. В конце концов тот факт, что кошка спит, оказывается достаточным основанием для утверждения истинности как одного, так и другого суждения. Но это все-таки разные суждения, в одном речь идет о факте, в другом — о суждении. И их истинностное значение устанавливается по-разному. Но не всякий способ добавления к высказыванию «*P*» указания на его истинностную характеристику образует новое высказывание, в котором речь идет об истинности *P*. Таковым является добавление ссылки на истинностную характеристику суждения через формирование его коммуникативной функции, через его иллокутивную характеристику.

В чем разница между *утверждением P*, высказыванием «*P*» и высказыванием «Истинно, что *P*»? *Утверждение P* — это специфическое речевое действие, которое демонстрирует отношение между высказыванием и осуществляющим его субъектом речи, один из видов речевого действия, наряду с другими: приказом, советом, клятвой, обещанием, предложением и т. п. Человек, обычно не может осуществить высказывание, не совершая при этом одного из этих действий³. Коммуникативные действия такого рода получили название иллокутивного действия, иллокуций, поскольку посредством совершения этого речевого действия (in locution) достигается определенная коммуникативная цель. Следует различать высказывание или пропозициональное содержание речевого действия и коммуникативную функцию или иллокутивную силу речевого действия, посредством которого, т. е. в ходе осуществления которого, рождается, осуществляется это высказывание благодаря совместным усилиям говорящего и слушателя. В теории речевых актов выделяются два структурных элемента речевого акта: его пропозициональное содержание, значение которого (истина или ложь) определяется соответствующими истинностными условиями и исследуется в рамках традиционной семантики, и коммуникативная характеристика или иллокутивная сила речевого акта, в ходе реализации которой рождается пропозициональное содержание. Иллокутивная сила демонстрирует коммуникативную функцию речевого акта, его место и функцию как элемента дискурса. Иллокутивная сила речевого акта, его коммуникативная составляющая, ее определяющее воздействие на значение и смысл пропозиционального содержания исследуются прагматикой.

Наряду с другими существует и такая иллокутивная сила, как *утверждение*. Мы, будучи компетентными носителями языка, различаем такие иллокутивные действия, как *утверждение, совет, приказ, обещание* и т. п., узнаем их как в своей речи, так и в речи своих собеседников. То есть в языке имеются

³ За исключением особых ситуаций, когда он эти действия осуществляет не всерьез, притворно, симулирует их, как симулирует их ребенок, стреляя из игрушечного ружья.

основания для такого различения, которыми мы уверенно пользуемся, часто не давая себе в этом отчета. Значит, мы должны суметь сформулировать основания их различения или конститутивные правила иллокутивных сил, т. е. такие правила, выполнение которых и означает совершение соответствующих иллокутивных актов. Эти правила присутствуют в языке в виде неявных конвенций, выполнение которых обеспечивает коммуникативную определенность речи. Экспликация этих конвенций — дело прагматики.

Вслед за Дж. Серлем можно зафиксировать следующие конститутивные правила для иллокутивной силы *утверждения*:

1. Существенное правило: говорящий, произнося данный речевой акт, тем самым принимает на себя обязательство считать высказанное суждение (пропозициональное содержание речевого действия) истинным.

2. Предварительные правила: у говорящего должны быть основания считать выраженное суждение истинным.

3. Выраженное суждение не должно быть очевидно истинным и для говорящего, и для слушателя в контексте произнесения.

4. Правило искренности: говорящий сам верит, что высказанное им суждение истинно.

Эти правила образуют основания рациональной критики сказанного. Говорящий несет ответственность за исполнение этих правил. Эти правила являются коммуникативными пресуппозициями утверждения, нарушение хотя бы одного из них делает утверждение дефектным. Так же, как ложность семантической пресуппозиции высказывания делает его семантически аномальным, нарушение коммуникативных пресуппозиций делает речевой акт дефектным. Если это речевое действие не удовлетворяет сформулированным в правилах условиям, то мы можем утверждать, что то, что было сказано, т. е. пропозициональное содержание речевого действия, является ложным или ошибочным, или что у говорящего не было достаточных оснований говорить это, или что сказывание не имело смысла, потому что всем присутствующим при акте речи это и без того было известно, или что говорящий солгал, потому что сам он не верил в истинность того, что говорил⁴. Эти правила формулируют четыре основания, по которым может быть не принято утверждение. Дж. Серль называет эти правила конститутивными, поскольку они конституируют само действие-*утверждение*, они выделяют специфику речевого действия *утверждение* среди всех возможных видов речевых действий (например, приказа, совета, клятвы и т. п.). Эти правила являются одновременно прагматическими пресуппозициями речевого акта *утверждения*, отсутствие одного из них делает данный речевой акт аномальным, т. е. подрывает основа-

⁴ То есть ложь — это речевое действие, которое можно совершить, произнося истинное суждение, если сам не веришь в истинность того, что утверждаешь.

ния его успешности. Успешность и эффективность речевого действия зависят от его соответствия прагматическим презумпциям.

Одной из проблем, с которой столкнулись логики, пытавшиеся определить отношение логического следования к рассуждениям с нормативными высказываниями, стало отсутствие истинностной характеристики у последних. В связи с этим Г. Х. фон Вригт замечает, что «нормы и оценки хотя и исключаются из области истины, являются все же субъектами логического закона»⁵, поскольку логика имеет более широкие пределы, чем истина. Нормативные характеристики высказываний — это не что иное, как их коммуникативные характеристики, а нормативная логика есть область исследований, в которой неявно присутствует прагматический контекст, т. е. выход за пределы семантики, в основе которой лежат истинностные условия высказываний. Ее можно рассматривать как шаг в направлении разработки логических средств анализа иллокуций. При этом не только нормативные суждения, никакая иллокуция не обладает истинностной характеристикой, но пропозициональное содержание речевого акта может быть или истинным, или ложным. Иллокутивный акт как коммуникативное действие может быть успешным или неуспешным. Рассмотренный же с точки зрения достигнутого результата, т. е. как перлокутивный акт, он может быть эффективным или неэффективным. Мы видим, что семантика речевого акта не сводима к истинностным характеристикам пропозиционального содержания, но последние являются ее важной составляющей.

Из сказанного выше понятно, что следует различать истинность как характеристику пропозиционального содержания и указание на истинность как составную часть конститутивного правила иллокутивного речевого акта *утверждение*. Добавлять к *утверждению* высказывания предикат «истинный» неуместно, поскольку он уже неявно содержится в этом речевом акте⁶. Но можно добавлять этот предикат как характеристику высказывания. И тогда, утверждая это высказывание, мы будем использовать истинностную характеристику и как элемент иллокутивной силы речевого акта *утверждение*, и как элемент его пропозиционального содержания. Мы так часто поступаем, когда характеризуем иное утверждение, демонстрируя, таким образом, свое согласие с ним. Например, «Я утверждаю, что сказанное Петром истинно» или «Я утверждаю, что сказанное Петром ложно», или, наконец, «Я утверждаю, что сказанное мною является истинным». Истинностная характеристика пропозиционального содержания речевого акта когда совпадает, а когда — нет

⁵ См.: Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986. С. 291.

⁶ Так же как нам не придет в голову добавлять к понятию «сюртук» признак «мужской», поскольку у нас пока нет оснований сомневаться в том, что сюртук — это вид мужской одежды, и, следовательно, признак «мужской» уже входит в содержание понятия «сюртук».

с требованием истинности высказывания, которое содержится в иллокутивной силе того же речевого акта, — например, в том случае, когда мы искренне утверждаем то, что на самом деле не соответствует действительности. В этом случае мы не лжем, но наше утверждение ложно.

Рассмотрим в таком контексте одну из популярных задач Р. Смаллиана из его книги «Как же называется эта книга?». Обсуждаемая история происходит на острове, на котором живут только рыцари и лжецы. Как известно, рыцари — это те, кто говорит правду и только правду, а лжецы — это те, кто говорит ложь и только ложь. И вот некий А, житель этого острова, однажды сказал: «Я лжец, а В не лжец». Вопрос: кто А и кто В? Если договориться обозначать высказывание «А рыцарь» через *A*, то высказывание «А лжец» будем обозначать $\sim A$, т. е. не верно, что *A*. Соответственно высказывание «В не лжец» или, что то же самое, «В рыцарь» будем обозначать через *B*. Высказывание жителя острова А, таким образом, будет представлять собой конъюнкцию ($\sim A \& B$). Решение задачи становится очевидным: А лжец, поскольку сказанное им, т. е. высказывание ($\sim A \& B$), является ложным, поскольку В тоже лжец.

Но вот какие слабые места в условии этой задачи обнаруживаются в свете проведенного выше рассуждения.

Любой из этого мира, при определенных обстоятельствах, может сказать «А лжец», но никто ни при каких условиях не может сказать «Я лжец». Если рассматривать утверждение аборигена как конъюнкцию речевых актов, т. е. как конъюнкцию двух утверждений, то его высказывание дефектно, поскольку первый конъюнкт представляет собой речевой акт, в котором нарушены его конститутивные правила, коммуникативные пресуппозиции.

Если же рассматривать ($\sim A \& B$) как пропозициональное содержание речевого акта *утверждение*, который совершается жителем А этого острова, то этот акт возможен в устах лжеца, что и фиксируется в решении задачи. В этом случае его утверждение не является правильным *утверждением*, поскольку нарушаются известные конститутивные правила. И это нормально в данном случае, поскольку нарушение названных прагматических правил как раз и свидетельствует, что субъект речевого действия — лжец. Но имеется еще одна «странность». Ведь получается, что наш абориген утверждает оба высказывания не утверждая, т. е. не являясь автором ни одного из них. Ведь мы не можем допустить, что он утверждает $\sim A$, поскольку это противоречит условиям жизни на этом острове, т. е. противоречит условиям задачи. Таким образом, утверждение конъюнкции не может интерпретироваться как конъюнкция утверждений, что противоречит семантике логического союза «конъюнкция». Получается, что в нашем случае правило удаления конъюнкции для иллокуций не работает. Отсюда можно сделать вывод о том, что автор текста не может считаться автором ни одной из одновременно утверждаемых частей этого текста.

Возьмем суждение «Р истинно, но я в это не верю». Оно представляет собой конъюнкцию двух суждений «Р истинно» и «Я не верю, что Р истинно». У меня нет оснований видеть здесь противоречие, поскольку оба конъюнкта допускают одновременную истинность. Вполне возможна ситуация, когда я не верю в истинность некоторого суждения, которое на самом деле является истинным. Но когда я связываю это предложение с говорящим, т. е. имею дело уже с речевым актом, то для меня этот речевой акт является *прагматически* дефектным и указывает на странность субъекта речи. Всякий слушатель понимает *утверждение* этой конъюнкции как конъюнкцию *утверждений*, т. е. как одновременное *утверждение* одним и тем же субъектом речи каждого из этих конъюнктов. Дефект не в пропозициональном содержании речевого действия, а в *утверждении*, т. е. в самом речевом действии. Мы имеем здесь дело с прагматической несовместимостью конъюнктов. Прагматическая презумпция иллокутивного действия — *утверждение* с пропозициональным содержанием Р — вступает в противоречие с пропозициональным содержанием «Я не верю, что Р истинно» второго иллокутивного действия — *утверждение*, поскольку у этих двух *утверждений* единый субъект речи. Ясно, что прагматической презумпцией здесь является, как это и сформулировано выше в конститутивном правиле *утверждения*, полагание, что субъект речи верит, что Р. Иллокуция *утверждение* предполагает, что говорящий берет на себя ответственность за то, что пропозициональное содержание иллокутивного акта соответствует действительному положению дел. При этом сложный речевой акт «Р истинно, но я в это не верю» не становится ложным. Истина и ложь характеризуют лишь пропозициональное содержание речевого действия. Прагматическая конъюнкция речевых актов не сводима к конъюнкции их пропозиционального содержания. Речевой акт оказывается прагматически аномальным и свидетельствует о странности речевого поведения субъекта речи, т. е. лишается утвердительной силы.

Аналогичным образом устное высказывание (т. е. речевой акт) «Я молчу» не может быть ложным или истинным. Пропозициональное содержание этого речевого акта в разное время может быть истинным или ложным. Но сам речевой акт не истинный и не ложный, он прагматически аномальный. Аномальным его делает противоречие между его пропозициональным содержанием и его прагматической презумпцией.

Высказывания можно рассматривать абстрактно, вне прагматического контекста лишь пока не указывается их автор. Как только появляется ссылка на авторство, высказывание обретает прагматический контекст. Одно дело, когда мы анализируем высказывание «Идет дождь, но я в это не верю» вне коммуникативного контекста, и совсем другое дело, когда у этого высказывания появляется произносящий его автор. В последнем случае оно сразу обретает коммуникативную определенность, т. е. становится, например, чьим-то *утверждением*.

Этот коммуникативный, прагматический контекст и делает его абсурдным. При этом высказывание в прошедшем времени «Шел дождь, но я в это не верил» вполне приемлемо, поскольку допускает интерпретацию первого конъюнкта как *утверждения* человека, который не является в момент его сказывания тем, о котором говорится во втором конъюнкте.

Другими элементами языка, которые формируют дискурс, т. е. превращают множество предложений в речь, являются дискурсные индикаторы и связи⁷, или аргументативные операторы и связи⁸. Они, будучи условием формирования дискурса как коммуникативного процесса, вовлекают в коммуникативный дискурс информацию, которая явным образом не представлена ни одним из элементов речи и из них, казалось бы, логически не следует. Именно это свойство коммуникативного дискурса представлено Грайсом в его концепции коммуникативной импликатуры⁹.

На эту особенность дискурса обращает внимание и Фреге: «В языке многое служит тому, чтобы облегчить восприятие слушателя, например, выделение какого-нибудь члена предложения с помощью ударения или порядка слов. Представьте и такие слова, как “еще” (noch) и “уже” (Schon). В предложении “Альфред еще не пришел” мы, собственно говоря, сообщаем “Альфред не пришел” и даем понять: мы ожидаем его прихода; однако это только подразумевается»¹⁰. При этом Фреге справедливо замечает, что высказанное предложение не становится ложным, если на самом деле мы не ожидаем прихода Альфреда. Это так, потому что в основе коммуникативной импликатуры лежит не логическое следование, гарантирующее истинность следствия, если истинны основания, а прагматическое имплицирование. Как замечает Д. Блейкмор, «сказать, что выражение содержит конвенциональную импликацию, означает сказать, что оно не имеет условий истинности, и, следовательно, должно рассматриваться не с точки зрения того, что оно само непосредственно выражает, а с точки зрения его отношения к тому выражению, которое оно влечет»¹¹. Поэтому ложность импликата указывает не на ложность влекущего его утверждения, а на его прагматическую неуместность, провокационность, т. е. на странность речевого поведения субъекта речи.

⁷ См.: *Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning. The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers.* Cambridge, 2002.

⁸ Подробнее см.: *Fundamentals of Argumentation Theory.* New Jersey, 1996. P. 312–322; *Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue.* Bruxelles, 1983.

⁹ *Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.* М., 1985.

¹⁰ *Фреге Г. Мысль. Логическое исследование.* С. 330.

¹¹ *Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning... P. 3.*

Прагматическая интерпретация позволяет наполнить ясным смыслом и приведенное в начале статьи рассуждение Г. Фреге о том, что можно высказать предложение, не высказывая тем самым одновременно суждения. Это происходит в случаях, пишет Фреге, когда в сказывании утверждения отсутствует необходимая серьезность. Иными словами, говорящий совершает речевое действие, не неся ответственности за его пропозициональное содержание. Такое происходит в сфере искусства. Действительно, автор художественного текста, в котором он описывает вымышленные события, совершает *утверждения*, пропозициональное содержание которых ложно, актер, произносящий со сцены текст пьесы от имени своего персонажа, тоже, как правило, произносит *утверждения*, с ложным пропозициональным содержанием. Но мы не можем назвать их лжецами. И тот и другой, отдают себе отчет в ложности производимых высказываний, но не имеют намерения обмануть. Понятно, что актер не может солгать, поскольку не несет авторской ответственности за сказанное. Во-первых, он не является автором пропозиционального содержания произносимого им речевого акта, во-вторых, он не является в этом акте сказывания субъектом *утверждения*. В этом смысле его позиция подобна позиции безумца, который также не несет ответственности за сказанное, поскольку не является автором и потому не может солгать, как не может солгать попугай.

Но всегда ли лжет автор вымышленного текста? В каком случае имеются основания обвинить автора художественного текста во лжи?

Ответ на этот вопрос пытается дать Дж. Серль¹². То, что отличает, согласно Дж. Серлю, художественный вымысел от лжи, это наличие особого рода конвенций, которые позволяют автору совершить акт творчества путем создания утверждений, ложность которых для него несомненна, при том, что у него нет намерения обмануть. Автор не совершает реальных иллокутивных действий, он их симулирует, поскольку то, что он пишет, является вымыслом. Автор симулирует производство иллокутивных действий, реально совершая настоящие речевые действия, так же как дети симулируют управление автомобилем, реально поворачивая руль влево или вправо, как боксер, ведя «бой с тенью», симулирует удары, реально двигая руками, *как бы* ударяя противника. Акт произнесения реален, но иллокутивный акт при этом симулируется. Локутивный акт налицо, а иллокуция симулируется. Невозможно в реальной речи совершить локутивный акт, т. е. произнести правильно построенную осмысленную фразу и не совершить при этом иллокутивного акта. Но можно его симулировать. Симуляция такого рода невозможна в документальном тексте, в репортаже.

¹² Searle John R. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. 1975. Winter. Vol. 6. N 2. On Narrative and Narratives. P. 319–332.

Именно на основании существующих в языке конвенций мы беллетристический текст воспринимаем как художественный вымысел, «обман» (в кавычках), а репортерский текст с тем же самым содержанием воспринимаем как обман в подлинном смысле, «художественный вымысел» (в кавычках).

Критерий отличия художественного текста от документального лежит в иллокутивных намерениях автора. Эти критерии лежат не в самом тексте, его определенной организации как художественного текста, а именно в иллокутивной позиции автора.

Сформулированные им конститутивные правила иллокутивных актов Дж. Серль предлагает называть вертикальными, поскольку они соотносят слова, предложения с миром, устанавливают связь языка и действительности. Конвенции же, существующие в языке и помогающие нам узнавать художественный дискурс, предстают как ряд горизонтальных соглашений, которые ломают связи, установленные вертикальными правилами. Они приостанавливают действие нормальных требований, которые установлены этими правилами. Такие горизонтальные соглашения не являются правилами; они не являются частью семантической компетентности говорящего. То есть они не корректируют, не изменяют значения каких-либо слов или других элементов языка. Они позволяют говорящему использовать слова в их прямом, не переносном значении и при этом не принимать на себя обязательств, которые обычно требуются этими значениями.

Притворные иллокуции, которые составляют художественный текст, становятся возможными благодаря тем самым конвенциям, которые приостанавливают нормальное функционирование конститутивных правил, устанавливающих связи между миром и иллокуциями. Эти же конвенции отличают художественный текст от лжи.

Казалось бы, язык художественного повествования не выполняет референциальной функции, поскольку не описывает мир, а создает свой собственный мир, даже если этот мир является расширением реального мира. Тем не менее художественный текст, наполненный речевой симуляцией, сообщает нам о мире реальном истинные и значимые для нас сведения. Но вопрос, как удастся художнику через актеров, играющих в пьесе, которые не произносят реальных, правдивых речевых актов, передать публике серьезные (т. е. документальные), соответствующие всем необходимым конститутивным правилам речевые действия, которые не произносятся ни одним из героев пьесы, остается в общем виде открытым. Нужно быть компетентным читателем, слушателем, зрителем, чтобы в этой череде притворных речевых актов прочесть, услышать ответственное послание автора, т. е. его серьезное утверждение о мире, за которое он уже несет ответственность. Литературная критика может объяснить, как автор в конкретном тексте передает серьезный речевой акт

через выполнение притворных речевых действий, составляющих текст художественного произведения, но, как справедливо заметит Дж. Серль, общей теории механизмов, которые позволяют передавать серьезные иллокутивные намерения посредством выполнения действий, симулирующих иллокутивные акты, пока не существует¹³. Но именно за эти, как бы резюмирующие утверждения автор художественного текста несет ответственность, именно их истинностная оценка дает основание считать автора «рыцарем» или лжецом.

¹³ Ibid. P. 332.